

*Мине Журно,
в память о ее неоценимой помощи*

*О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!*

А. Блок. "Голос из хора"
6 июня 1910 —
27 февраля 1914 года

Редакция не несет ответственности за фактические неточности, допущенные автором. Все цитаты приводятся в современной орфографии.
(Примечание редакции к первому изданию.)

Глава I

Широкая синяя Нева, до моря рукой подать. Именно река определила решение Петра заложить здесь город. Он дал ему свое имя.

Но Нева не всегда бывает синей. Нередко она становится черно-серой, а на полгода замерзает. Весной толстый невский и ладожский лед тает, и огромные льдины несутся к морю. Осенью дует ветер, и туман окутывает город — “самый отвлеченный и умышленный город на всем земном шаре”^{*}.

“Мне сто раз, — говорил Достоевский, — среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметя с туманом и ис-

^{*} *Достоевский Ф. Записки из подполья. (Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчиков.)*

чезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?.. Кто-нибудь вдруг проснется, кому это все грезится, — и все вдруг исчезнет...»^{*} И вновь северный горизонт станет голым и ровным, а на опустевших каналах невозмутимый чухонский рыбак будет забрасывать удочку — как в XVII веке, прежде чем Петр затеял весь этот переполох.

Переполоху следовало бы подняться столетием раньше. В ту пору казалось, что новая династия Годуновых поведет Русь по пути европейских народов. Да русский народ не пожелал Годуновых, и юный царь Федор — красивый, умный, образованный — был убит. О нем не сложили ни песен, ни сказок. Неизвестно, где он похоронен. А когда наконец явился Петр, все пришлось начинать сначала. Россия опаздывала на целый век.

Он поспевал повсюду, не задумываясь, к чему могли привести его дела и замыслы. Трудился не покладая рук: строил города, прокладывал дороги, создавал флот. Вырастил арапчонка, сироту, освобожденного им из турецкого плена, — будущего прадеда Пушкина. Петр дал России и Петербург,

* *Достоевский Ф.* Подросток.

и Пушкина — два неиссякаемых источника русской поэзии.

Летом по широкой — вшестеро шире Сены — синей Неве от Медицинской академии до Академии наук ходил пароход; великий Менделеев, создатель периодической таблицы, ездил на нем в гости к профессору Бородину, известному химику, на досуге сочинявшему оперу “Князь Игорь”.

На берегах Невы кипела университетская жизнь. Ни в одной другой столице мира не теснилось вдоль набережных столько научных и учебных заведений: Академия наук, Академия художеств, Медицинская академия, Санкт-Петербургский университет, Историко-филологический институт, Горный институт, Морская академия. Конечно, были в городе и другие, не менее важные кварталы, и другое общество, но они нисколько не занимали ни ботаника Бекетова, ни члена всех европейских академий Бутлерова. Для них главным событием года мог стать приезд в Петербургскую академию гейдельбергского ученого или недавнее открытие, сделанное Пастером в далеком Париже.

В своих уютных просторных квартирах, забитых книгами мирных библиотек, лабораториях с новейшим оборудованием они упорно трудились во славу молодой российской науки.

Их эмансипированные супруги жили собственной напряженной жизнью; обремененные детьми, они успевали читать братьев Гонкур, переводить Бальзака и Виньи, готовили реформу в женском образовании. Их превосходно воспитанные и образованные дочери ездили за границу, любили Листа и Берлиоза и обожали светское общество: каждую неделю они устраивали танцевальные вечера для отцовских студентов.

На этих вечерах царила непринужденная, веселая обстановка. Пожилые профессора, бородатые и длинноволосые, в долгополых сюртуках, играли в карты. Дамы за самоваром судачили обо всем на свете: о литературе, педагогике, семейной жизни. А молодежь — будущие светочи науки — одни еще неуклюжие, а другие, напротив, чрезвычайно светские, приглашали на вальс барышень с осиными талиями, большей частью уже предпочитавших Шатобриану Стендаля.

Такие приемы устраивали в доме профессора Бекетова — ректора университета. Широкие окна просторной квартиры, которую он занимал в помещении университета, выходили на Неву. Зимними вечерами извозчики в засаленных тулупах и заиндевевших высоких шапках хлестали лошадок, подвозивших сюда гостей. Угощение было самое незатейливое: чай с бутербродами. Старшая из профессор-

ских дочек — уже невеста. А третьей, Александре, только исполнилось семнадцать. Подвижная, нервная, шаловливая, далеко не красавица, но наделенная живым умом, сущий бесенок и всеобщая любимица. У нее уже серьезные интересы. Отец, профессор ботаники, и мать, переводчица французских романов, привили ей любовь к подлинным ценностям. Она пишет стихи. У ее изголовья лежат рассказы Доде, а под подушкой — “Воспитание чувств” Флобера.

Уже тогда ее манило все необычное — больше, чем мать и сестер. За ней ухаживали, но окружавшие ее молодые люди были для нее только товарищами. Она ждала демона — и он не замедлил явиться.

Молодой юрист, оставленный при университете для подготовки к профессуре, Блок появился в доме Бекетовых зимой 1877 года. Его отец по происхождению был немцем, мать — русская, из старинного помещичьего рода. Этому статному красавцу с печальным взглядом и горькой улыбкой были присущи все пороки конца века. В его порывах чувствовалось что-то “судорожное и странное”. Привычка постоянно анализировать свои мысли и поступки сковывала все начинания Блока, постоянно приводя его в смятение. Он обладал обширными познаниями в литературе, истории,

философии — недоставало творческого начала, которым наделены лишь истинные таланты. У него была мечта, ставшая наваждением: он растрачивал силы, ища для своих философских и социологических трудов совершенно новые, небывалые “сжатые формы”. Ни в чем он не знал середины — лишь крайности привлекали его. Любовь у него напоминала ненависть, отрицая идеалы, он не мог не поклоняться им. Позже у него появятся причуды, настоящие странности. А пока он получил назначение в Варшавский университет — доцентом кафедры государственного права.

Этот человек — умный, противоречивый, ибо холодность в нем уживалась с пылким нравом, прекрасно образованный, превосходный музыкант — произвел на Бекетовых огромное впечатление. Ничто в нем не напоминало их обычных гостей: милых студентов, развлекавших юных девиц, и солидных профессоров, с очаровательной беспечностью сочетавших позитивистские, революционные научные открытия с устаревшими, идеалистическими взглядами на религию и семейную жизнь. Блок же казался “новым человеком”.

Обнаружив, что он в нее влюблен, Александра удивилась, но почувствовала себя польщенной. Он просил ее руки — она отказала, полагая, что не сумеет составить счастье подобного человека. Он пере-

стал у них бывать; тогда она ощутила тягостную пустоту. Только теперь поняла она, насколько ей нравились блестящие выпады, ирония, парадоксы, безупречная логика и живой ум молодого Блока. И, когда он появился снова, она поразила его любезным обхождением. Последовало объяснение, затем было объявлено о помолвке, и вот уже любимая дочь, душа всей семьи, покинула отчий дом.

Закрылись широкие окна, за которыми было столько интересного — пароходы, ялики, барки, катера; здесь смешливая баловница кружилась в танце, напевала, словно птичка, радуясь жизни и благодаря за нее Господа. Отец погрузился в свои гербарии, молчал, скрывая тревогу. Мать, старая няня, младшая сестра с нетерпением ждали вестей из Варшавы. Но письма приходили редко и были краткими. Александра счастлива с мужем; она ждала ребенка, но он умер сразу после родов; впрочем, она не теряла надежды иметь детей.

В Варшаве Александра сильно изменилась. Богатое воображение, впечатлительность, неуемная жажда вольной и беспечной жизни не дали ей ужиться с таким тяжелым человеком, каким оказался ее муж — ревнивый, угрюмый, с изменчивым нравом, любивший ее не как жену, а как жертву, оказавшуюся в полной его власти. Долгими вечерами в их квартире в мрачном предместье Варшавы,